

тех, кто не переступал роковой черты (поскольку Раскольников оставался убийцей). Раскольников потерял всякую опору, и если раньше, после убийства, он был ни жив ни мертв, то теперь, после «показания» Николая, и впрямь оказался живо погребенным: «С самой сцены с Миколкой у Порфирия начал он задыхаться без выхода, в тесноте» (6, 341).²

Вот почему Порфирий и старается уверить Раскольникова в том, что не сомневается в вине Николая. Сначала он является к убийце в виде несостоявшегося, раскаявшегося «свидетеля» (второй приход к Раскольникову «мещанина в халате»), затем внушает Разумихину (в расчете на передачу) нужную идею: «— Скажи, пожалуйста, откуда ты это узнал (что виновен Миколка. — В. В.) и почему тебя это так интересует? — с видимым волнением спросил Раскольников.

— Ну вот еще! Почему меня интересует! Спросил!.. А узнал я от Порфирия, в числе других. Впрочем, от него почти всё и узнал.

— От Порфирия?

— От Порфирия.

— Что же... что же он? — испуганно спросил Раскольников.

— Он это отлично мне разъяснил. Психологически разъяснил, по-своему» (6, 340).

И далее: «Раскольников, как только вышел Разумихин, встал, повернулся к окну, толкнулся в угол, в другой, как бы забыв о тесноте своей конуры, и... сел опять на диван» (6, 341). На минуту, однако, он «оживился»: ему показалось, что «нашелся исход» — в дальнейшей борьбе с Порфирием или, возможно, Свидригайловым (6, 341). Но там и тут его ждал тот же «угол», тот же тупик. Едва Раскольников собрался выйти из тесной своей «конуры», как на пороге столкнулся с Порфирием.

Словом «виноват», произнесенным незадолго до этого «мещанином в халате», Порфирий начинает свое последнее объяснение с Раскольниковым, чтобы закончить его предложением «явки с повинной» (6, 343, 350).

Говоря о Порфирии и «мещанине в халате», дважды приходившем к Раскольникову, нельзя опустить и явно сближающие их мотивы.

Они касаются их внешнего вида: невысокий рост (6, 192, 208), часто опущенные вниз или отведенные в сторону глаза (6, 209, 255, 257, 260, 343, 353), «халат», в котором Порфирий впервые встречает Раскольникова («Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях» — 6, 192), а также нечто «бабье» в фигуре одного и другого. Последний мотив повторяется не только по отношению к «мещанину», но и по отношению к Порфирию: «Взгляд этих глаз (глаз Порфирия. — В. В.) как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье...» — 6, 192); затем: «И неужели в совершеннейшем бреду? Скажите, пожалуйста! — с каким-то бабьим жестом покачал головою Порфирий» (6, 194, ср. также: 264, 268).

«Халат» и нечто «бабье» в фигуре Порфирия, вместе с другими мотивами первого и второго его свидания с Раскольниковым (я имею в виду цитаты или очевидные переклички с «Ревизором» и «Мертвыми душами»), отсылают к Гоголю.

В заключение второго свидания Гоголь назван прямо. Прощаясь с Раскольниковым, после появления и признаний Николая, Порфирий говорит: «Да вот мы увидимся-с. Если Бог приведет, так и очень, и очень увидимся-с» (6, 272). Далее, в связи с насмешливыми замечаниями Раскольникова по поводу психологических приемов Порфирия и его «комической» должности, он продолжает: «— Хе-хе! Остроумны, остроумны-с. Всё-то замечаете! Настоящий игривый ум-с! И самую-то ко-

² О мотиве «духоты» в романе см., например: Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 241—244.